

П.И.Костогрызov (Екатеринбург)

Общинное правосудие в Колумбии

В Колумбии понятие «общинное правосудие» охватывает различные институты разрешения конфликтов и регулирования поведения в соответствии с принятыми социальными нормами. В статье рассматривается динамика развития этих институтов в последние десятилетия во взаимодействии с государством, левой герильей и правыми парамилитарес; анализируется политика властей по интеграции общинной юстиции в национальную систему правосудия.

Ключевые слова: община, обычное право, общинная юстиция, «партизанская юстиция», антропология права, парамилитарес.

Частная юстиция — явление давно известное. В наше время оно возникает, как правило, в условиях ослабления государственных институтов. При этом оно может играть как деструктивную, так и конструктивную роль, беря на себя некоторые функции государства.

В Латинской Америке, отличающейся политической и социальной нестабильностью, различные формы частной юстиции существовали всегда, во многих странах региона она продолжает активно действовать и сейчас, будучи представлена главным образом общинной юстицией.

Общине издавна приходилось решать различного рода споры и конфликты между ее членами, пресекать и карать общественно-опасное поведение, сохраняя внутренний мир и целостность коллектива. Эта сфера ее деятельности и система осуществляющих ее институтов называются **общинной юстицией**. По мере развития государства его органы правосудия и охраны порядка постепенно вытесняли соответствующие институты общины. В развитых странах Запада этот процесс завершился к концу Нового времени, а во многих латиноамериканских государствах он не вполне завершен до сих пор. Параллельно с правовым порядком, конституируемым государством, в них существуют иные правовые порядки, формируемые негосударственными акторами, прежде всего общинами. Такое положение вещей получило в юридической науке наименование **правового плюрализма**.

В последние десятилетия XX в. и особенно в начале XXI столетия наметился поворот официальных властей латиноамериканских стран к приз-

Павел Игоревич Костогрызov — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (pkostogryzov@yandex.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Общинная юстиция в странах Латинской Америки» № 15-03-00513.

нению правового плюрализма, в том числе на конституционном уровне¹. Ныне государство стало рассматривать общинные институты как потенциального союзника и партнера в деле восстановления и поддержания правопорядка.

ОБЩИНЫ И ОБЩИННАЯ ЮСТИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОЛУМБИИ

Одной из стран, где присутствие общинной юстиции наиболее заметно, а ее взаимоотношения с государством развиваются весьма активно, является Колумбия². В третье тысячелетие она вступила, будучи обремененной серьезными проблемами: одно из первых мест в мире по количеству убийств, всевластие наркокартелей, бессилие коррумпированного и недееспособного государственного аппарата, тянувшийся десятилетиями внутренний вооруженный конфликт. Это, казалось, ставило на перспективах развития страны если не крест, то большой знак вопроса.

Однако за последние полтора десятилетия Колумбия достигла большого прогресса как в политической, так и в экономической сфере. Хотя и сегодня эту страну трудно назвать процветающей, но положительная динамика очевидна: крупнейшие преступные синдикаты разгромлены, заметно снизился уровень криминала и интенсивность военных действий, правительство уверенно контролирует большую часть территории, экономика растет.

Эти успехи стали возможны не в последнюю очередь благодаря совместным усилиям общества и государства. Осознавая слабость своего аппарата, государство ищет — и находит — опору в локальных сообществах, делегируя им часть своих функций или, точнее, признавая тот факт, что они уже осуществляют эти функции вне зависимости от воли властей. Органы общинной юстиции играют немаловажную роль в процессах, идущих ныне в колумбийском обществе и связанных с преодолением внутреннего вооруженного конфликта, усилением социального контроля над преступностью и в целом снижением уровня насилия в стране³.

Насилие давно стало одной из доминант социально-политического развития Колумбии. С 1964 г. продолжается внутренний вооруженный конфликт, фактически — гражданская война, которую левые группировки ведут против правительства. К политическому насилию, остающемуся постоянным фоном жизни колумбийцев, добавились нарковойны и уличная преступность, захлестнувшие страну в 80—90-е годы. Немалый «вклад» в статистику убийств и телесных повреждений вносит и бытовое насилие — внутри семьи или между соседями.

За десятилетия непрекращающейся «войны всех против всех» в колумбийском обществе сложилось то, что социологи называют «культурой насилия» — психологическая готовность к применению силы, склонность решать все конфликты — политические, социальные, межличностные — силовым путем, неспособность к компромиссу, к поиску мирных выходов из спорных ситуаций. И в научном сообществе, и в политическом руководстве страны сформировалось понимание того, что изменить эту ситуацию усилиями одного только государства невозможно. Необходимо встречное движение со стороны гражданского общества, на самом низовом уровне — уровне локальных сообществ, коллективов соседей, живущих на одной улице или в одной деревне. Именно с «микроуровня» должны начинаться действия по восстановлению социальной ткани, разорванной многообразными насильственными проявлениями последних десятилетий⁴. И вот здесь на сцену выходит община.

Общины, существующие в Колумбии, можно разделить на четыре группы⁵. К **первой** относятся более или менее изолированные поселения ин-

дейцев, живущих племенами и сохраняющих образ жизни своих предков. Такие общины представляют собой реликты традиционного общества и отвечают на вызовы современности не адаптацией, а самоизоляцией, поэтому они практически не включены в общенациональные политические процессы. Их доля в структуре населения страны не превышает 1%⁶. Ко **второй** группе относятся сельские общины с индейским или метисным населением, включенные в экономическую и политическую жизнь «большого» общества, занятые в современных секторах экономики (преимущественно в аграрном), но при этом сохраняющие индейскую культурную идентичность, как правило, моноэтничные и существующие в течение длительного времени (иногда с доколониальной эпохи) на одной и той же территории. Сюда же можно отнести этнические сообщества цыган. **Третью** группу составляют сельские общины с креольским населением (значение имеет не столько расовая принадлежность, сколько культурная самоидентификация — это, как правило, те же метисы, но отождествляющие себя не с индейской, а с «западной» культурой), а также афроколумбийцы тихоокеанского побережья и островов Карибского моря. Наконец, в **четвертую** входят городские общины, которые, в свою очередь, можно подразделить еще на две разновидности в зависимости от правового статуса земель, на которых они располагаются. Одни — поселения, построенные на приобретенной законным образом земле и включенные в состав соответствующих муниципалитетов. Другие представляют собой зоны нелегальной застройки вокруг крупных городов. Население таких трущоб почти не взаимодействует с официальными властями.

В общинах всех типов вырабатываются собственные нормы, регулирующие поведение их членов, и формируются органы, обеспечивающие их соблюдение. Становление и функционирование этих институтов имеет свои особенности, которые определяются как структурой самой общины, так и воздействием политического окружения, к которому относятся государство, герилья, парамилитарес, наркомафия и т.д. У общин, отнесенных нами к первой и второй группам, сохранились и обычно-правовая норматика, и традиционные органы общинной юстиции. Разница состоит в том, что у первой группы они продолжают функционировать в более или менее «чистом» виде, тогда как у второй подверглись значительной модернизации. В общинах третьей и особенно четвертой групп и нормы, регулирующие поведение, и органы, ответственные за их применение, сформировались уже в современный период и отражают соответствующий этап общественного развития. На структуру этих органов оказывает определенное влияние и различие, о котором упоминалось выше, — между зонами легальной и нелегальной застройки.

В первом случае формирование общины происходит следующим образом: приобретатели первых участков, выделенных на новом месте под застройку, организуют комитет (хунту) для решения общих вопросов (проведение коммуникаций, совместные работы по благоустройству и т.д.). В дальнейшем, по мере разрастания поселения и включения в него новых домохозяйств, состав этого органа может меняться, но в целом сложившаяся на начальном этапе конфигурация общинной власти сохраняется; вливающиеся в общину новоселы принимают установленные ее основателями «правила игры» как естественно сложившийся status quo. Таким общинам, как правило, удается без особых затруднений получить официальное признание и поддержку государства.

Колумбийские власти впервые попытались законодательно оформить статус самостоятельных общинных организаций более полувека назад. Президентским декретом 1958 г. были созданы органы общинного самоуправления — «хунты коммунального действия» (Juntas de Acción

Comunal, JAC). К 1985 г. по всей стране их насчитывалось 33,1 тыс.⁷. Как отмечает российский латиноамериканист Збигнев Владиславович Ивановский, они «не смогли избавиться ни от излишней опеки государства, ни от воздействия политических посредников, контролирующих деятельность JAC и сохраняющих систему клиентелизма»⁸, поэтому не стали ни единственной, ни главной формой общинного самоуправления. Тем не менее JAC и в наше время продолжают играть в нем определенную роль, в частности, в системе общинной юстиции. Как правило, функции отправления правосудия исполняет специальный орган (Комитет), избираемый хунтой, а особенно важные или сложные дела рассматривает сама хунта.

Значительно сложнее ситуация у жителей зон нелегальной застройки, образующихся, прежде всего, в мегаполисах вследствие массовой внутренней миграции, вызванной, в первую очередь, затяжным вооруженным конфликтом. Вокруг крупных городов возникают целые кварталы с сотнями тысяч жителей. Поскольку постройки в таких зонах незаконны, земля занята без должных правовых оснований, жизнь в них протекает вне правового поля⁹. Обитатели трущоб не имеют доступа не только к тому, что сейчас принято называть «государственными услугами», но и к элементарным удобствам, давно ставшим неотъемлемой частью городской жизни, — у них часто нет ни водопровода, ни канализации, не осуществляется организованный вывоз мусора, а о полноценном медицинском обслуживании или общественном транспорте не приходится даже мечтать.

В отсутствие официальных органов власти местные жители вынуждены самостоятельно преодолевать социальный хаос, переходя к упорядоченному общественному бытию, где были бы гарантированы хотя бы базовые права — на жизнь, неприкосновенность личности и собственности. Это естественным образом ведет к формированию общинных структур, которые путем внутренних соглашений устанавливают правила поведения и создают органы для урегулирования конфликтов. Характерным примером могут служить районы стихийной застройки Медельина и Боготы, где за годы изоляции от официальных структур сформировались институты и процедуры разрешения конфликтов и поддержания мирного сосуществования¹⁰.

Чем же руководствуются общинные суды, вынося решения поступивших на их рассмотрение дел? Они могут применять нормы самого разного характера и происхождения: неписаные обычаи, постановления JAC или общинной ассамблеи (общего собрания жителей), наконец, национальное законодательство. Однако над всеми нормами — писаными или неписаными — превалирует принцип справедливости.

«Справедливость» — ключевое понятие для общинной юстиции. Главным критерием принятия решения для государственных судов является его точное соответствие нормам права. Для «народного правосудия» важнее всего, чтобы решение было справедливым. Только в этом случае оно будет легитимировано общиной, которая своим авторитетом (а если понадобится, и принуждением) обеспечит его исполнение. При этом решение общинного суда может отклоняться от официально принятых норм.

В интервью, данном колумбийскому антропологу Николасу Эспиносе, руководитель одной из сельских общин объяснял это так: «Если посмотреть на проблему с точки зрения закона, она имеет одно решение. Но если отвлечься от закона и подумать, о том, что гуманно, справедливо и принесет больше пользы людям, решение может быть совсем другим». Например: «дорога проходит по болотистой местности, но если проложить ее чуть в стороне, где земля сухая, будет лучше ... Почему бы соседу, у которого сотни гектаров целины, не уступить кусочек своей земли? ... При

этом никто не стремится причинить ущерб другому или ущемить его интересы, просто ищут решение, наиболее удобное для всех»¹¹.

Справедливость, таким образом, понимается не как безусловное соблюдение субъективных прав участников спорной ситуации, а как положение, удовлетворяющее интересы наибольшего круга лиц. Эта особенность общинного правосознания и правоприменительной практики общинной юстиции не специфична для Колумбии, примерно так же действуют аналогичные институты, существующие в других странах или существовавшие в другие исторические эпохи.

В рамках такого правопонимания конфликт между индивидами рассматривается как разрыв социальной ткани, несущий угрозу не только потерпевшей стороне, но и общине в целом. Соответственно решение спора призвано восстановить эту ткань, а вместе с ней и социальную гармонию, нарушенную конфликтом. Общинный суд исходит из понимания того, что обе стороны — и потерпевший, и нарушитель — остаются членами одного локального сообщества, соседями; поэтому он стремится скорее к достижению компромисса между ними, чем к установлению абстрактно понимаемых «правоты» и «виновности». В отношении правонарушителя ставится цель вернуть его в систему сложившихся социальных связей, примирить с общинным коллективом, заставить осознать недопустимость своего образа действий и отказаться от его повторения в будущем, а не покарать; в отношении потерпевшего — обеспечить ему возмещение нанесенного ущерба и гарантии от новых посягательств.

ОБЩИННОЕ ПРАВОСУДИЕ И ГЕРИЛЬЯ

Внутренний вооруженный конфликт, в течение более чем полувека остававшийся определяющим фактором политической жизни Колумбии, не мог не повлиять и на развитие общинной юстиции в стране. В ходе конфликта государство утрачивало контроль над значительными частями национальной территории. Место, освобожденное официальной властью, занимали власти неофициальные — группировки левого толка, известные под собирательным названием «герилья», ведущие партизанскую войну против колумбийского правительства. В тех местностях, которые им удавалось взять под контроль, партизаны устанавливали свои правила, превращаясь в последнюю инстанцию, принимавшую окончательные решения по спорным вопросам. Общине приходилось приспосабливаться к этой ситуации, которая наложила серьезный отпечаток на ее организационную структуру и юридический быт.

Модели взаимоотношений, складывавшихся у партизан с населением контролируемых ими местностей, можно свести к трем основным вариантам.

1. Герилья устанавливает немногочисленные, но очень жесткие правила, призванные обеспечить ведение военных действий (запрет сотрудничества с противником), и самостоятельно контролирует их выполнение, часто применяя в качестве меры наказания расстрел; в вопросах внутренней жизни общин органы, создаваемые местными жителями, действуют более или менее автономно.

2. Партизаны сами становятся политической властью, подменяющей собой государство, выносят решения по всем спорным делам, руководствуясь собственными правилами. Все управленческие функции, в том числе, связанные с осуществлением правосудия, при этом берут на себя «полевые командиры».

3. Боевики признают автономию общин, более того, выступают в роли силы, обеспечивающей обязательность решений общинных властей. В сфере правосудия герилья становится «высшей инстанцией» по отношению к общинной

юстиции. Серьезные преступления рассматриваются партизанским командованием, а менее значительные дела (имущественные и семейные споры, мелкие проступки и т.д.) — общинными органами. В этом случае можно говорить даже о формировании смешанной, общинно-партизанской юстиции¹².

Отношения герильи к мирному населению на протяжении всего времени внутреннего вооруженного конфликта были подчинены двум целям: военной и политической. Первая заключалась в удержании контроля над территорией для обеспечения безопасности своего военного аппарата и возможности успешно вести военные действия против правительства. Вторая — в создании и расширении социальной базы путем привлечения симпатий максимально широких слоев населения. Партизанская юстиция была одним из инструментов достижения этих целей.

Как показывают исследования колумбийских ученых, проводимая герильей политика в сфере правосудия не оставалась неизменной¹³. Она претерпевала определенную эволюцию по мере развития конфликта. На первом этапе партизаны стремились бросить вызов буржуазному праву, и выносимые ими решения по юридическим спорам шли вразрез с существовавшим в стране социальным и правовым порядком, против которого они боролись. В дальнейшем, начиная примерно с середины 80-х годов, эта тенденция сменилась противоположной; отныне устанавливаемый герильей в контролируемых зонах правопорядок не отрицает основные устои капитализма. Хотя своими решениями в юридической сфере партизаны стремятся снизить остроту социальных конфликтов, утвердить принципы справедливости, понимаемой как защита «интересов самых ущемленных и эксплуатируемых», они не ставят при этом под сомнение существующие экономические отношения.

В этот же период наметилось смягчение карательной политики герильи, которая вначале сводилась к частому применению смертной казни практически за любую провинность. Такое изменение объясняется как неприятием этой меры общинами из-за многочисленных судебных ошибок, совершаемых партизанскими трибуналами, так и давлением общественного мнения, которое вело активную дискуссию о пределах допустимого в гражданской войне и соответствии методов ее ведения международно-правовым нормам. Сыграло свою роль и осознание руководством герильи того, что быстрой победы достичь не удалось, война затягивается, а значит, завоевание политических симпатий населения становится не менее важной задачей, чем военные успехи.

Кроме того, различные вооруженные группировки, борющиеся против колумбийского правительства, вели себя по-разному в отношении мирного населения, в том числе, в вопросах правосудия. Чем теснее была связь той или иной организации со своей социальной базой, тем менее выраженным в ее отношении к гражданскому населению был карательный аспект и более активной — ее деятельность в сфере юстиции.

Самый жесткий вариант карательной политики проводила Армия национального освобождения (Ejército de Liberación Nacional, ELN). Один из ее бывших командующих Николас Родригес Баутиста впоследствии вспоминал, что крестьянам на контролируемых ELN территориях запрещалось даже общаться друг с другом «без крайней необходимости»¹⁴.

Противоположный «полюс» занимала юстиция Народной армии освобождения (Ejército Popular de Liberación, EPL), которая из всех партизанских армий имела самые тесные связи с крестьянами и наибольшее разнообразие применяемых практик и методов. Она реже, чем другие группировки, использовала и смертную казнь. Юстиция Революционных вооруженных сил Колумбии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC) находилась где-то посередине между этими двумя полюсами.

Все фракции герильи с большей или меньшей последовательностью и твердостью проводили в зонах своего контроля мероприятия по организации нового правопорядка, которые можно условно разделить на четыре группы. К первой относятся меры, направленные на трансформацию социального порядка, — экспроприация земель у крупных собственников и коммерсантов в пользу крестьян и изгнание прежних владельцев под угрозой смертной казни.

Следующим действием, характерным в первую очередь для политической практики FARC и ELN, была «зачистка» территории от банд и лиц, обвиняемых в убийствах, грабежах, сексуальном насилии и кражах. Проводилась она путем казней без какого-либо подобия судебного разбирательства. При этом обвинения и требования наказаний исходили, как правило, от самого населения, заинтересованного в установлении минимального порядка в отсутствие органов уголовной юстиции государства¹⁵.

Третьей мерой было насаждение среди сельских жителей норм, которых обязан придерживаться в своем поведении «хороший революционер», и за нарушение которых строго наказывали сами партизаны. Например, у EPL это были так называемые моральные нормы патриотических хунт. В рамках этих норм от крестьян требовалось: любить и защищать народ и родину и ставить служение им превыше личных интересов; делать все возможное для революции; выполнять обещания; хранить секреты организации; объявлять партизанскому командованию о «врагах народа»; ни в какой форме не служить «врагу»¹⁶. Строже всего карались «преступления» против герильи — информирование военных и вообще любое сотрудничество с властями и парамилитарес практически неизбежно влекло за собой смертную казнь. Менее сурово, но все-таки гораздо строже, чем было принято в обычном праве, действовавшем у крестьян до появления партизан, наказывали за нравственные проступки.

Четвертую группу составляли меры долгосрочного характера, призванные регулировать правовые проблемы самого населения, такие как споры между соседями о границах участков, потравы посевов скотом, мелкие кражи, ссоры, драки, семейные конфликты, супружеская неверность, насилие в семье, инцест и т.д. Во многих местностях партизанские «власти» брали на себя и функции нотариата, гарантируя исполнение имущественных сделок и взимая соответствующие пошлины.

Там, где господство герильи устанавливалось надолго, оформлялись устойчивые отношения партизан с гражданским населением. Несмотря на то, что политика антиправительственных группировок по отношению к крестьянам всегда оставалась по своей сути репрессивной, в некоторых случаях длительное сосуществование местных общин с герильей приводило к формированию своеобразной комбинации общинной и партизанской юстиции. Больше всего складыванию отношений такого рода способствовало перемирие, заключенное между правительством Колумбии и FARC в 1998 г. По его условиям часть территории страны тогда перешла под полный контроль партизан.

В этой «зоне разрядки» герилья фактически заменила собой государство, став единственной вооруженной силой, способной делать свои правила обязательными для всех и осуществлять принудительные меры по отношению к нарушителям. Подчиняясь этой силе, общины, с одной стороны, вынуждены были признавать навязываемые ею правила, а с другой — получали возможность опираться на ее поддержку, так как легитимность решений органов общинной юстиции в значительной мере основывалась на их признании со стороны герильи, которая в случае необходимости обеспечивала их исполнение силовым принуждением.

Что же касается легитимности самой герильи в глазах населения, то она зиждилась на том, что, став на место государственной власти, партизаны взяли на себя и некоторые общественно-полезные функции последней. Особое значение для сельских жителей имело строительство дорог, сеть которых в отдаленных аграрных районах всегда была недостаточной. Во время перемирия (1998—2002) в «зоне разрядки» было развернуто активное дорожное строительство, причем FARC предоставила материальные средства, в том числе машины, а гражданское население — свой труд. Безвозмездные общественные работы — повсеместно принятая практика сельских общин: таким образом строятся и ремонтируются школы, церкви, водопроводы, ирригационные сооружения и другие объекты общего пользования. В порядке выполнения такой трудовой повинности крестьяне участвовали и в организованных партизанами дорожно-строительных работах. Обязанность отработать дополнительное время налагалась в виде наказания на нарушителей общественного порядка.

Таким образом, в годы перемирия окончательно оформился тот *modus vivendi* сельских общин и герильи, который начал складываться еще в 80-90-х годах. В юридической сфере он воплотился в своеобразную комбинацию общинных и партизанских норм и институтов, самым характерным выражением которой стали так называемые правила общежития. Они представляют собой своды норм, составленные в период перемирия в результате компромисса общинных лидеров и руководства герильи¹⁷. Поэтому их содержание было двойственным: они включали, с одной стороны, нормы, регулирующие повседневную жизнь крестьян, а с другой — правила, продиктованные боевиками и имеющие целью, в первую очередь, обеспечить им полный контроль над территорией и условия для ведения вооруженной борьбы с правительственными войсками.

К первой группе относятся, прежде всего, правила, устанавливающие порядок ведения хозяйственной деятельности и разрешения возникающих споров: о границах сельскохозяйственных участков, о выпасе и прогоне скота, об обязательных мерах пожарной безопасности, о пользовании водой для полива, дорогами и тропами. В нее входят также нормы, регулирующие семейные отношения и разнообразные вопросы общинной организации: обязанность крестьян участвовать в общественных работах, присутствовать на собраниях и т.д. Некоторые из этих норм устанавливались самими общинными властями (например, принимались на общем собрании или «декретировались» хунтой), а некоторые заимствовались из национального законодательства. Но основную массу составляли правовые обычаи, издавна действовавшие в сельских общинах, — «законы, которые всем известны», как называют их сами крестьяне¹⁸. Многие из них ведут свое происхождение еще из средневекового испанского и даже римского права. Например, правило о публичных дорогах: дорога, используемая в течение десяти лет, не может быть перекрыта собственником участка, по которому она проходит. Здесь мы видим имеющие древнеримские корни институты публичного сервитута и десятилетней давности, хотя само общинное право таких терминов, конечно, не знает.

Вторая группа норм включала правила, связанные с военным и антиправительственным характером деятельности партизан: «комендантский час», запрет на сотрудничество с «врагами», обязанность сообщать о появлении «чужаков» и т.д. Но этим ее содержание не ограничивалось. Герилья, фактически занявшая место государства, также взяла на себя преследование ряда преступлений, предусмотренных уголовным кодексом Колумбии, прежде всего, тех, которые посягают на права, имеющие принципиальное значение для социального порядка:

жизнь, собственность и половую неприкосновенность. Большинство деяний такого рода карается смертью.

В частности, смертную казнь за убийство применяют и FARC, и ELN. В их «правилах общежития» убийство определяется как «предумышленное вероломное лишение жизни беззащитной жертвы»¹⁹. Если такое преступление совершает кто-то из партизан, ему не избежать расстрела. Если же убийца — гражданское лицо, ситуация не столь однозначна. Известны случаи, когда виновного приговаривали к выплате компенсации родственникам жертвы, иногда дополняемой общественными работами. Бывало и так, что по требованию крестьян боевики выдавали преступника официальным властям. В регионах, где одновременно присутствуют и государственные органы, и герилья, такая «конкуренция» нередко приводит к тому, что полиция и прокуратура активизируют свою работу, стараясь как можно быстрее раскрыть преступление и арестовать подозреваемых для предания законному суду, чтобы тем самым спасти их от неминуемой расправы со стороны боевиков.

Половые преступления, такие как изнасилование и сожительство с малолетними, тоже наказывались смертной казнью. Иногда партизанское правосудие вмешивалось и в семейные конфликты, но только в тех случаях, когда община оказывалась не в силах урегулировать проблему своими силами, и потерпевшая сторона обращалась к герилье. Так, ELN наказывала виновного в супружеской неверности привязыванием к дереву на восемь часов, а FARC несколькими днями общественных работ. В случае если неверность мужа была сопряжена с насилием над женой, применялась конфискация земли и даже расстрел.

Смертной казнью карались также грабежи и кражи, включая скотокрадство, наносящее особый вред крестьянскому хозяйству. Хищение частной собственности партизаны наказывали строже, чем казнокрадство, хотя первое посягает на индивидуальные блага, а второе — на общественные, которые, казалось бы, должны обладать большей ценностью в глазах борцов за социализм и защищаться строже. Это видимое несоответствие объясняется желанием завоевать симпатии крестьян, предоставив им быстрое решение проблем безопасности. Кроме того, «зачистка» контролируемой территории от преступников, даже мелких, должна была демонстрировать эффективность власти герильи и одновременно служить прообразом «светлого будущего», в котором не будет места криминалу.

Особое внимание в той части «правил общежития», которая выражала программу герильи, уделено природоохранным нормам. FARC и ELN ограничивали вырубку леса, охоту (особенно на редкие виды животных) и рыбную ловлю (в частности, запретили глушение динамитом). Впрочем, необходимо заметить, что действия самих боевиков во многом противоречат такой «природозащитной направленности». В частности, подрыв нефтепроводов, который они используют как метод борьбы против правительства, наносит куда более серьезный урон окружающей среде, чем браконьерство²⁰.

Одной из острейших проблем Колумбии в целом и регионов, находящихся под контролем партизан, в частности, является индустрия наркотиков. Если в первые десятилетия герильи антиправительственные вооруженные формирования противопоставляли себя наркомафии и ограничивали или даже полностью запрещали выращивание коки в зонах своего контроля, то начиная с 80-х годов их позиция постепенно менялась. Сначала они стали лояльно относиться к культивированию наркосодержащих культур, облагая налогом плантации и лаборатории по производству наркотиков, так называемые кухни, а в 90-х годах сами активно включились в процесс производства и сбыта кокаина и героина, превратившись в крупнейший наркокартель²¹.

При этом в зонах своего контроля герилья запрещает продажу и потребление наркотиков, осознавая социальные последствия распространения наркомании, и заставляет крестьян диверсифицировать посевы (на каждый гектар коки должно приходиться несколько гектаров продовольственных культур), чтобы регион не испытывал недостатка в сельхозпродуктах²².

Говоря о функционировании общинной юстиции в условиях вооруженного конфликта, нельзя не упомянуть и другую его сторону — парамилитарес. Казалось бы, эта вооруженная «самооборона», вставшая на защиту общественного порядка от боевиков-коммунистов (такова официальная риторика «парас»), должна была ощущать родство с самостоятельными организациями граждан и искать союза с ними в борьбе с герильей. Однако на практике именно парамилитарес оказались наиболее враждебными по отношению к общинным структурам из всех участников колумбийского конфликта. Объясняется это тем, что «самооборона» тесно связана, с одной стороны, с латифундистами и другими крупными собственниками, а с другой — с наркоторговцами. Интересы тех и других очень часто противоречат интересам рядовых граждан, прежде всего крестьян. Поэтому парамилитарес (наряду с наркомафией) считаются ответственными за наибольшее число массовых убийств крестьян и случаев насильственного выселения мирных жителей с принадлежащей им земли.

Тем не менее «парамилитарная юстиция» тоже существовала, хотя колумбийские исследователи отмечают ее вторичность по отношению к юстиции «партизанской»: «парамилитарес заимствовали успешные методы герильи, стремясь захватить власть над спорными территориями и все чаще старались стать арбитрами в различных частных спорах»²³. Действительно, если для партизан выстраивание определенного социального порядка на контролируемой территории имело самостоятельную ценность как этап перехода к новому строю после своей победы, то для «парас», не строивших далеко идущих планов, главной целью было добиться подчинения населения. Внедрение тех или иных норм и урегулирование возникающих при этом споров всегда рассматривались ими лишь как вспомогательный инструмент для достижения этой цели. Основным же средством оставалось прямое насилие или угроза его применения.

В целом как герилья, так и парамилитарес, выступают по отношению к общине как агрессивная внешняя сила, которая стремится подчинить себе общинную юстицию, заставив ее служить своим интересам, и применяет жестокие карательные меры для утверждения своих порядков. Но общины пытаются сопротивляться этому давлению, боевики отвечают преследованием и убийствами крестьян, прежде всего общинных лидеров. Но, несмотря на большие потери — как экономические, так и человеческие, — многие общины противостоят давлению вооруженных групп. Существуют и так называемые мирные общины, придерживающиеся нейтралитета по отношению ко всем сторонам вооруженного конфликта, включая и правительство²⁴.

По мере затухания вооруженного конфликта и восстановления правительственного контроля над территорией страны уменьшается роль и герильи, и парамилитарес как сил, организующих юридическую сферу общественной жизни. Но государство не успевает заполнить образовавшийся «вакуум», поэтому растет значение общинной юстиции.

«ДОВЕРИЕ СОЗДАЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Современную эпоху в Колумбии называют «постконфликтной». Хотя не все очаги герильи погашены, не все формирования парамилитарес сложили оружие, но вооруженный конфликт перестает быть главным фактором, определяющим

национальную повестку дня. Перед страной стоит задача налаживания мирной жизни без насилия, и общинная юстиция — один из социальных институтов, способных сыграть важную конструктивную роль в этом процессе. Большие надежды на нее возлагают в этом смысле и власти Колумбии, и юридическая общественность. Характеризуя потенциал общинной юстиции в деле реинтеграции колумбийского общества и восстановления социального мира, профессор Эдгар Ардила, директор Школы общинной юстиции при Национальном университете, советник городского правительства Боготы по вопросам безопасности подчеркивает: «Всякий раз, когда заходит речь о безопасности, мы склонны думать, что она состоит в увеличении средств защиты, что обезопасить себя значит спрятаться от угроз; тогда как общинная юстиция исходит из совершенно иной логики, предполагающей, что безопасность возможна лишь там, где есть доверие к своему социальному окружению. Именно доверие обеспечивает безопасность»²⁵.

В последние десятилетия государство, сознавая слабость своих институтов, проводит политику поощрения разнообразных самодеятельных организаций граждан, к числу которых принадлежат и органы общинной юстиции.

Правовую основу для интеграции «народного правосудия» в национальную систему юстиции обеспечила Конституция 1991 г. Статья 246 признает право коренных народов осуществлять правосудие «в соответствии с собственными нормами и процедурами с тем, чтобы эти решения не противоречили Конституции и законам»²⁶. Однако, как уже говорилось выше, представители коренных народов составляют не более 1% населения страны, живут обособленно, поэтому их юридические институты оказывают минимальное влияние на жизнь страны в целом.

Гораздо большее значение в общенациональном масштабе имеет учрежденная Конституцией 1991 г. система судов «права справедливости». В нее входят мировые суды (им посвящена ст. 247) и мировые посредники (ст. 116²⁷). Их основная задача — привести конфликтующие стороны к компромиссу в ходе примирительной процедуры. Если это не удастся, мировой судья решает дело по справедливости, на основе обычного права своей общины. Такое решение получает законную силу и может быть исполнено в принудительном порядке.

Мировые судьи избираются жителями муниципалитетов, а мировые посредники назначаются окружными судами из кандидатов, предложенных гражданскими организациями соответствующих общин. В городских кварталах и сельских населенных пунктах, где существуют институты общинной юстиции, на эти посты выдвигаются лица, которые уже фактически исполняли судебные функции еще до наделения их официальными полномочиями со стороны государства.

Представители «правосудия справедливости» не получают жалования от государства, но пользуются его поддержкой — им предоставляются помещения для работы, средства связи, оргтехника. Еще один важный элемент государственной политики в области общинной юстиции — создание системы подготовки кадров для общинных судов. Центральным учреждением этой системы стала Школа общинной юстиции при Национальном университете Колумбии под руководством профессора Э.Ардилы, имеющая филиалы по всей стране. В ней готовят общинных лидеров к исполнению обязанностей мировых судей и посредников. В 2014 г. в стране насчитывалось 7714 мировых посредников, подготовленных школой. Большинство из них работали в местностях, жители которых не имеют доступа к судам общей юрисдикции²⁸. Эффективность деятельности мировых посредников подтверждается статистическими данными. Вот только один пример: 21 февраля 2015 г. в городе Лебриха, департамент Сантандер, в

рамках Дня примирения, организованного генеральной прокуратурой страны, чтобы уменьшить число нерешенных судебных споров, мировые посредники рассмотрели 80 дел. В 90% случаев примирительная процедура завершилась заключением согласия сторон²⁹.

Несмотря на несомненные успехи «общинно-государственного синтеза» в сфере правосудия, некоторые колумбийские ученые, например, Н.Эспиноса, предостерегают от «попыток кооптации общинной юстиции со стороны официального права»³⁰, предполагая, что в этом случае она перестанет быть общинной в подлинном смысле и станет просто дополнительной инстанцией государственной судебной системы. На наш взгляд, это опасение, если не беспочвенно, то, по меньшей мере, преждевременно. В настоящее время большинство общин, где имеются собственные судебные институты, испытывает скорее недостаток, чем избыток внимания со стороны государства. Хотя для организации своих органов правосудия они используют формы, предусмотренные национальным законодательством³¹, это, скорее, мимикрия, имеющая целью избежать обвинений в самоуправстве. На практике эти органы действуют самостоятельно, без оглядки на государственные установления и решают дела по обычаям и справедливости, часто выходя за рамки, предписанные законом. Это следует рассматривать не как проявление анархии и аномии, а как саморегуляцию, необходимую для выживания социума в условиях слабости государства и обеспечивающую правовой порядок, пусть и отличный от насаждаемого государством.

Поскольку государственные институты в Колумбии, несмотря на все успехи последних лет, остаются слабыми, их присутствие во многих регионах страны фрагментарно, а образ действия вызывает многочисленные нарекания, общинное правосудие еще долго будет необходимым дополнением и коррективом к деятельности официальной юстиции. А социальная структура, основанная на общинных связях, наличие которой позволило стране избежать коллапса в предшествующий период, сможет стать фундаментом для построения гражданского общества постиндустриальной эпохи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ П.И.Костогрызov. Юридический плюрализм как принцип позитивного права: опыт латиноамериканского неоконституционализма. — Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2015. Том 15. Вып. 2, с. 99—111. [P.I.Kostogryzov. Yuridicheskii plyuralizm kak printsip pozitivnogo prava: opyt latinoamerikanskogo neokonstitutsionalizma] [Legal Pluralism as a Principle of the Positive Law: Experience of Latin American Neoconstitucionalism]. Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2015. Tom 15. Vyp. 2, p. 99—111.

² A.D a z a, F.H u r t a d o. Justicia comunitaria, entre las instituciones y las organizaciones. — Pensamiento Jurídico; núm. 12 (2000): Justicia comunitaria parte 1, 2013, p. 23—42.

³ F.S.C a s t r o H e r r e r a. Justicia comunitaria: campo jurídico emergente desde y para las comunidades en situación de desplazamiento. Tesis de Maestría. Pontificia Universidad Javeriana. Bogota, 2012, p. 182.

⁴ Idem; La justicia en equidad y la configuración de los márgenes de un campo jurídico emergente. — Captura Crítica: direito política, atualidade, N 3., v.1. (jul/dez. 2010), p. 357—382.

⁵ П.И.Костогрызov. Общинное правосудие в Латинской Америке: пережиток прошлого или мост в будущее? — Россия в глобальном мире, 2014, № 4 (27), с. 458—462. [P.I.Kostogryzov. Obshchinnoe pravosudie v Latinskoi Amerike: perezhitok proshlogo ili most v budushchee?] [Community Justice in Latin America: a Remnant of the Past or a Bridge to the Future?]. Rossiya v global'nom mire, 2014, № 4 (27), p. 458—462.

⁶ КОЛУМБИЯ: обнадеживающие перемены. Москва, ИЛА РАН, 2011. [KOLUMBIYA: obnadezhivayushchie peremeny] [Colombia: Encouraging Changes]. Moskva, ILA RAN, 2011.

⁷ З.В.Ивановский. Колумбия: государство и гражданское общество. М.: Институт Латинской Америки, 1997, с. 176. [Z.V.Ivanovskii. Kolumbiya: gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo] [Colombia: the State and the Civil Society]. M.: Institut Latinskoi Ameriki, 1997, p. 176.

⁸ Ibid., p. 179.

⁹ O.L.P é r e z. Justicia y comunidad: tras las huellas de un encuentro. — EL OTRO DERECHO, 2002, N 26—27, p. 186.

- ¹⁰ A.C.González Serna y otros. Estado del arte sobre administración de justicia, justicia pública y privada, y guerra y justicia. Opinión jurídica, vol. 6, número 11, p. 49—65.
- ¹¹ N.Espínosa. El justo comunitario, las leyes y la justicia en una región con fuerte presencia del conflicto armado. Etnografía del pluralismo jurídico en la Sierra de La Macarena. — Diálogos de Derecho y Política, 2010, № 3, p. 21—22.
- ¹² E.Ardila. Justicia comunitaria y sociedad nacional. — Available at: http://www.justgovernancegroup.org/es/documentos_del_group/justicia/justicia_1.pdf (accessed 24.03.2013); M.Aguilera. Justicia guerrillera y población civil: 1964—1999. Bulletin de l'Institut français d'études andines [online] 2000, 29 (Sin mes) — Available at: www.redalyc.org/articulo.oa?id=12629308 (accessed 27.04.2015); N.Espínosa. Entre la justicia guerrillera y la justicia campesina ¿Un nuevo modelo de justicia comunitaria? La Macarena, Meta, estudio de caso. — Revista Colombiana de Sociología No. 20' 2003, p. 117—145; N.Espínosa, E.A.Ramírez, M.E.González. Justicia comunitaria en los Llanos del Yari, Caquetá. — Ciudad Paz-ando Bogotá, segundo semestre de 2012. Vol. 5, N 2: p. 138—139.
- ¹³ M.Aguilera. Op. cit., p. 437—441; N.Espínosa. Entre la justicia guerrillera y la justicia campesina, p. 117—145; N.Espínosa, E.A.Ramírez, M.E.González. Op. cit., p. 127—148.
- ¹⁴ M.Aguilera. Op. cit., p. 443.
- ¹⁵ Ibid., p. 445—446.
- ¹⁶ M.Aguilera. Op. cit., p. 444.
- ¹⁷ N.Espínosa, E.A.Ramírez, M.E.González. Op. cit., p. 139—141.
- ¹⁸ N.Espínosa. El justo comunitario..., p. 23.
- ¹⁹ M.Aguilera. Op. cit., p. 455.
- ²⁰ Ibid., p. 457; N.Espínosa. El justo comunitario..., p. 23.
- ²¹ З.В.Ивановский. Колумбия: государство и вооруженная оппозиция — Латино-американский исторический альманах, 2011, № 11, с. 242. [Z.V. Ivanovskii. Kolumbiya: gosudarstvo i vooruzhennaya oppozitsiya] [Colombia: the State and the Armed Opposition]. Latino-amerikanskii istoricheskii al'manakh, 2011, № 11, p. 242.
- ²² M.Aguilera. Op. cit., p. 457.
- ²³ Ibid., p. 452.
- ²⁴ E.Ardila. Op. cit., p. 15—16.
- ²⁵ Confianza como herramienta de la justicia comunitaria — Available at: www.agenciadenoticias.unal.edu.co/nc/ndetalle/pag/9/article/confianza-como-herramienta-de-la-justicia-comunitaria.html (accessed 14.05.2015).
- ²⁶ Constitución Política de Colombia. — Available at: www.secretariassenado.gov.co/senado/basedoc/cp/constitucion_politica_1991.html (accessed 24.09.2015).
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Galardón Jaime Giraldo Ángel. — Available at: www.galardonjaimegiraldoangel.blogspot.ru/?sref=fb (accessed 16.05.2015).
- ²⁹ Estaba dispuesto a matarlos... — Available at: www.justiciacomunitariaunal.blogspot.ru/2015/02/estaba-dispuesto-matarlos.html (accessed 24.03.2015).
- ³⁰ N.Espínosa. Las prácticas comunitarias de justicia local en la Sierra de la Macarena. El pluralismo jurídico de cara a la reconstrucción del país en el post conflicto colombiano. — AGO USB Medellín-Colombia, V. 15, N 2, Julio – Diciembre, p. 509.
- ³¹ Ley 743 de 2002, art. 45—46. — Diario Oficial N 44.826 de 7 de Junio de 2002.

Pavel I. Kostogryzov (pkostogryzov@yandex.ru)

Candidate of History, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Community Justice in Colombia

Abstract. A concept of “community justice” in Colombia encompasses a variety of institutions for conflict resolution and regulation of social behavior according to the norms prescribed by communities. The article deals with dynamics of development of these institutions during last decades in interaction with the state, leftist guerrilla and rightist paramilitary forces; analyzes the Colombian government's politics towards integration of community justice in the national judicial system.

Key words: community, customary law, community justice, legal anthropology, paramilitary forces.